

дому. Хлебный анбар находился на дворе. У запертых дверей стояли два мужика тоже с дубинами. Телега остановилась прямо перед ними. Я выскочил и бросился прямо на них. «Отворяйте двери!» сказал я им. Вероятно, вид мой был страшен, по крайней мере, оба убежали, бросив дубины. Я попытался сбить замок с двери, выломать; но двери были дубовые, а огромный замок несокрушим. В эту минуту молодой мужик вышел из людской избы и с видом надменным спросил меня, как я смею буянить. «Где Андрюшка земский?» закричал я ему. «Кликнуть его ко мне!»

— Я сам Андрей Афанасьевич, а не Андрюшка, отвечал он мне, гордо подбочась. Чего надобно?

Вместо ответа я схватил его за шиворот и, притащив к дверям анбара, велел их отпирать. Земский-было заупрямился; но отеческое наказание подействовало и на него. Он вынул ключ и отпер анбар. Я кинулся через порог — и в темном углу, слабо освещенном узким отверстием, прорубленным в потолке, увидел мать и отца. Руки их были связаны — на ноги набиты были колодки. Я бросился их обнимать и не мог выговорить ни слова. Оба смотрели на меня с изумлением, — три года военной жизни так изменили меня, что они не могли меня узнать.

Вдруг услышал я милый знакомый голос.

— Петр Андреич! Это вы!

Оглянулся и вижу в другом углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенел... Отец глядел на меня молча — не смея верить самому себе. Радость блистала на лице его.

Я спешил саблею разрезать узлы их веревок.

Матушка ахнула и залилась слезами. — Здравствуй, здравствуй, Петруша, — говорил отец мне, прижимая меня к сердцу, — слава богу, дожда-